

вовсе не въ социальнo-политическихъ порядкахъ; зло гораздо глубже, корни самихъ социальнo-политическихъ порядковъ заложены въ самой природѣ человѣческой, и измѣненіе этихъ порядковъ можетъ зависетьъ отъ измѣненія, внутренней сущности людей, а потому озвѣреніе людей,—и не однихъ сельскихъ жителей (народа въ тѣсномъ смыслѣ), но и интеллигенціи, озвѣреніе, поддерживаемое убѣжденіемъ, что совершенствованіе достигается будто бы борьбою, мирнымъ состязаніемъ, конкуренціей (какъ будто конкуренція, состязаніе могутъ быть мирныи?)!, озвѣреніе не можетъ быть безразличнымъ для переживаемого нами состоянія общества. И чего хочетъ авторъ разбираемой замѣтки, даже сомнѣвающийся, не преувеличиваетъ ли Родіоновъ, не есть ли его голосъ—голосъ испуганнаго человѣка, современника, видящаго лишь поверхность событій, ихъ наружное проявленіе? (Но какъ бы такой могъ поставить диагнозъ замѣченныхъ имъ болѣзней?) Родіоновъ призываетъ нести въ народъ миръ, свѣтъ и знанія. Хотя призывъ этотъ и страдаетъ неопредѣленностью, но тѣмъ не менѣе это все таки *что-нибудь*. Авторъ же замѣтки о книгѣ Родіонова, успокаивая читателей, говоритъ: „надо потерпѣть за прежніе грѣхи“, (какъ будто новыхъ грѣховъ за нами не водится?) „пострадать, и въ этомъ терпѣніи, терпѣніи только непремѣнно *сознательною* (?), въ этомъ страданіи залогъ и добраго будущаго„. Что же хочетъ сказать этимъ авторъ разбираемой замѣтки; не хочетъ-ли онъ сказать этимъ, что ничего того, къ чему приглашаетъ Родіоновъ, не нужно, что нужно только вѣрить и ждать, а тамъ все само собою устроится?! Но само собою совершается только паденіе; падать легко, подниматься трудно; даже только удержаться стѣ паденія, нужны усилія и большія, а чтобы подняться и итти вверхъ, нуженъ великій трудъ. Какъ же можно уговаривать людей успокоиться при видѣ того паденія, въ которомъ находится современное намъ общество, при видѣ того, какъ зло поглашаетъ, затираетъ ту, по выраженію автора замѣтки,—*идеалистическую потенцію*“, которая едва *просачивается* черезъ *ужасающую дѣйствительность*?!. Остается, слѣдовательно, читая книгу „*Наше преступленіе*“ довольствоваться вѣрностью, художественностью изображенія совершающагося зла и продолжать дѣлать то, что дѣлали и дѣлаемъ, и что не чуждо изображенному злу, —подобно тому, какъ и поминаемый въ статьѣ о книгѣ Родіонова священникъ восхищался образами Колунаевыхъ и Разуваевыхъ, къ компаніи которыхъ и самъ принадлежалъ, какъ всѣ мы восхищаемся этими Чичиковыми, Собакевичами, Ноздревыми, Маниловыми, духъ которыхъ въ насъ и до сихъ поръ живетъ, ибо мы плоть отъ плоти, кости отъ костей ихъ, и ничего не дѣлаемъ, чтобы переродиться. Величайшій грѣхъ и состоитъ въ томъ, что, зная зло мы успокаиваемся на этомъ лишь знаніи, и не употребляемъ всѣхъ силъ всѣхъ способвъ и средствъ къ его искорененію, зная же добро, мы не употребляемъ всѣхъ силъ всѣхъ способвъ и средствъ къ его водворенію. Не достаточно поставить диагнозъ болѣзни главное заключается въ томъ, чтобы указать какъ, какими средствами болѣзнь можетъ и должна быть излѣчена.

